

Заманова Илона Владимировна

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Россия, 196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское ш., 10
lizhecu@163.com

Проблемы семантизации лексики психического состояния в толковых атезаурусах русского языка

Для цитирования: Заманова И. В. Проблемы семантизации лексики психического состояния в толковых атезаурусах русского языка. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература.* 2024, 21 (2): 446–466. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.211>

В статье рассмотрены проблемы семантизации лексики психического состояния в толковом атезаурусе синхронного типа. Семантизация предполагает процесс и результат раскрытия смыслового содержания вербальной единицы в системе конкретного языка, с тем чтобы она могла быть правильно использована в речи или переведена на другой язык. Исследование проводилось на материале «Большого академического словаря русского языка» в 30 томах (2004) и «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах (1948–1965). Под психическим состоянием понимается статичный неконтролируемый безобъектный психический процесс с плохо осознаваемой причинностью. Поскольку толкование лексики психического состояния представляет большую лингвистическую трудность, в исследовании была поставлена цель выявить типы проблем семантизации и предложить возможные пути их решения. Были выявлены следующие типы: неразличение архисем *состояние, чувство, свойство*, введенных в словарную дефиницию; непоследовательное и неединообразное выделение значения состояния на базе свойств и чувств; непоследовательное выделение состояния как лексико-семантического варианта физиологического состояния; толкование посредством синонимов — приблизительное толкование. В результате исследования также была выдвинута гипотеза о регулярной (непродуктивной) семантической производности психических свойств и чувств в сферу состояний, а также физиологических состояний в сферу психических. Поиск вариантов устранения выявленных недочетов семантизации может способствовать улучшению информативности толкований, дать более четкое представление об эпидигматике лексем, в связи с чем в статье приводятся некоторые возможные решения. Так, предлагается проводить разграничение *состояний, свойств, чувств* в словарных дефинициях с опорой на фундаментальную классификацию предикатов. Кроме того, видится необходимым ввести *состояние* в систему значений *психических свойств* (признаков субъекта или объекта) и *чувств* (направленных на объект и осознаваемых психических процессов), а также ввести переносное значение *психического состояния* в дефиницию *физиологического* для некоторых лексем.

Ключевые слова: эмотивная лексика, психические состояния в языке, лексикография эмоций, многозначность.

Трудно не согласиться с Л. В. Щербой в том, что формулировка значений слов составляет слабое место лексикографии и издавна ведутся споры о наилучших методах определения значения [Щерба 1957: 69]. По причине дискретности и субъек-

ективности смыслового содержания лексика, репрезентирующая психику человека, является исключительно трудной для семантизации (семантизация — снятие семантической неопределенности [Морковкин 1977: 7]; толкование). А. Вежбицкая обратила внимание на то, что многие исследователи признают толкование такой лексики невозможным [Вежбицкая 1996: 327]. В настоящее время наиболее перспективными являются подходы с использованием естественного семантического метаязыка (Вежбицкая А., Московская семантическая школа), а также подход GRID («Сетка») (Женевский университет), опирающийся на заполнение сетки признаков, достаточных для идентификации той или иной эмоции. Было предложено колесо валентностей эмоций Geneva Emotion Wheel («Женевское колесо эмоций»), призванное улучшить методику GRID [Shuman et al. 2013: 5]. Формализованность указанных подходов предоставляет возможность точного выявления семантических различий в синонимических рядах психической лексики, способствует выяснению ее культурной специфики. Однако согласимся с А. Гладковой в том, что возникает вопрос о достаточности отмеченных признаков и об их переводимости на другой язык [Gladkova 2023: 327]. З. Кевечеш считает необходимым изучать также психические метафоры, поскольку в их основе лежит информация о теле и психике человека; эмоции, в которых такая информация кодирована, отличаются от культурно обусловленных [Kovecses 2004: 7]. Подход к семантизации с помощью концептуальной метафоры объясняет факты, касающиеся изоморфизма физического и психического мира, и способен расширить представление о семантической структуре каждой конкретной психической лексемы. Как правильно отметил академик В. В. Виноградов, «от неясности, нерешенности главных теоретических проблем семасиологии и лексикографии во многом зависят основные недостатки наших словарей» [Виноградов 1977: 243]. Поэтому важны взаимосвязь всех сложившихся подходов и применение их достижений при создании нормативного толкового словаря.

Актуальность заявленной проблемы определяется также тем, что повышение степени единообразия и интегральности толкований психических лексем может быть полезно для разработок в области совершенствования эмоциональной компетенции систем искусственного интеллекта, роботов-чатов, создании эмоциональных баз данных русского языка, а также при разметке Русскоязычного эмоционального корпуса [Кибрик и др. 2018: 505].

Лексика, номинирующая психические реакции человека, классифицируется по тематическому или функционально-синтаксическому критериям. Согласно тематическому критерию могут быть выделены группы типа «радость», «беспокойство» — так называемые кластеры эмоций. Согласно функционально-синтаксическому критерию выделяются «отношения», «состояния», «мгновенные реакции» и т. д. Так, Л. М. Васильев противопоставляет глаголы-состояния глаголам-отношениям и глаголам-переживаниям [Васильев 1981: 75]. Однако мы согласны с точкой зрения М. И. Лазариди, которая считает, что психическая лексика не может быть описана иначе, чем во взаимосвязи этих критериев [Лазариди 2011: 38]. Также Л. Г. Бабенко пришла к заключению о необходимости совмещения структурно-семантических и функционально-синтаксических методов лексикографической интерпретации [Бабенко 2021а: 27]. Например, группа «влечение» в ее «Словаре-тезаурусе эмотивной лексики» представлена следующим образом: эмоциональное

состояние (*влюбленный, вожделение*), эмоциональное отношение (*благоволить, влечение*), становление эмоционального состояния (*бредить*), эмоциональное воздействие (*аппетитно, завлекать*), внешнее выражение (не выражено), эмоциональная характеристика (*азартный*), эмоциональное качество (*наклонность*), человек как средоточие и носитель эмоций (*симпатия*) [Бабенко 2021б: 59–62].

Таким образом, «состояние» понимается в узком смысле как функционально-семантическая категория. Под лексикой **психического состояния** подразумеваем группу лексики, представленную разными частями речи, включенную в духовную (противопоставленную материальной) / психическую / эмотивную подсистему, дифференцируемую среди других групп по инвариантным семантическим признакам статичности, неконтролируемости и ненаправленности на объект.

Под статичностью понимается гомогенность течения процесса на каждом отрезке времени. Гомогенность проявляется, например, в том, что состояния не сочетаются с наречием *постепенно* [Булыгина, Шмелев 1997: 72]: **Он постепенно тосковал*. Под неконтролируемостью подразумевается невозможность проявления воли экспериенцера. Согласимся с М.Э. Гайворонской в том, что «субъект состояния, как правило, инактивен, его состояние вызвано извне и чаще всего не зависит от его воли» [Гайворонская 2018: 10]. Проявление воли может тестироваться конструкцией запланированного будущего, что предлагалось Ю.Д. Апресяном. Для состояний планирование невозможно: *завтра я тоскую [Апресян 2009: 44]. Под ненаправленностью на объект подразумевается невозможность направленности состояния на внешний объект, состояние замкнуто на самом субъекте, грамматически это выражается в непереходности психического предиката (*тосковать, грустить, раскисать, унывать, волноваться, ликовать*), т. е. неспособности присоединять прямое дополнение (за исключением периферийных конструкций типа «мне сердце больно»).

Цель данного исследования заключается в том, чтобы на основе решения указанных выше задач выявить актуальные проблемы представления лексики психического состояния в русском толковом словаре и предложить пути их решения.

Статья имеет три тематических блока. В первом представлена проблема последовательного введения в словарные дефиниции сем ‘свойство’, ‘состояние’, ‘чувство’, ‘действие’, ‘настроение’ (две последние архисемы употребляются редко). Во втором рассмотрена проблема выделения *состояния* отдельной семемой. Второй блок, в свою очередь, представлен двумя частями — выделение *состояния* на базе свойств и чувств и выделение семемы *психического состояния* на базе физиологического. Третий блок раскрывает проблему толкования посредством синонимического ряда.

Поскольку лингвистическая терминология имеет широкое интерпретационное поле, детерминируем значение некоторых базовых терминов, употребленных в работе.

Под лексемой понимается «слово как единое целое, в совокупности всех его форм и значений, лексема является основной единицей лексического уровня языка» [Серебренников 1972: 412]. Основной предельной единицей лексико-семантического яруса является семема, или лексико-семантический вариант, равный по содержанию отдельному значению слова [Серебренников 1972: 412]. Смысл семемы «разложим на составляющие его компоненты... Для обозначение компонентов

смысла применяем термин сема» [Соколовская 1979: 8]. Сема может быть приравнена к полнзначному слову на выходе толкового словаря [Караулов 1980: 6], но может иметь имплицитный характер, выводиться, но не выражаться в толковании:

Языковое значение (семема) существует как реализация его структурных компонентов (сем), определяющих его системную значимость и связь с неязыковым значением. Семема и ее структурные компоненты обладают сходной онтологией, выражая семантические категории и субкатегории языка. Семема есть синтез лексических, словообразовательных к грамматическим сем, относящихся к разным семантическим категориям [Шафиков 1999: 2].

Под архисемой, или гиперсемой, понимаем наиболее общую и абстрактную сему, относящую предмет, явление к определенному классу [Кузнецов 1986: 25].

Предметом являются семантические неточности всех элементов словарной статьи объяснительного русского словаря на выходе, объектом — словарные формулировки, характеризующие лексику психического состояния.

В русле статьи выдвигаются две гипотезы:

1. 'Состояние', 'свойство', 'чувство' являются архисемами лексики эмоций, данные компоненты должны адекватно вводиться в словарные дефиниции (аргументируется дифференциацией исследуемых смыслов в фундаментальных классификациях предикатов, контекстуальными фактами, анализом тематических классов в идеографических словарях).

2. Слова группы «свойства», «чувства» развивают регулярную многозначность (вслед за Ю. Д. Апресяном под регулярной многозначностью мы понимаем регулярно фиксирующуюся модель семантической деривации, которая сходна со словообразовательной [Апресян 2009: 32; 1971: 509]), производным значением является 'состояние'.

Применяется функциональная лингвистическая методология, т. е. такие принципы исследования, когда вопрос о значимости объекта в системе является приоритетным. При определении количества семем в лексеме мы опираемся прежде всего на контекст, под контекстом понимаем словесную обстановку и внешнюю ситуацию (в современной лингвистике под внешней ситуацией понимается экстралингвистический контекст [Воркачев, Воркачева 2020: 115]), признаем, что контекст не придает дополнительный смысл, а актуализирует его.

Методы исследования: комбинированный онома-семасиологический метод, метод компонентного анализа, метод сочетаемостных тестов, структурный метод, корпусный метод, метод обобщения словарных дефиниций, общелогические дедуктивный и эмпирический методы, таксономический метод и др.

Материалом исследования выступают словарные формулировки «Словаря современного русского литературного языка» в 17 т. под ред. В. И. Чернышева (с 13-го по 17-й том) [БАС 1948–1965] и «Большого академического словаря русского языка» в 30 т. под ред. К. С. Горбачевича (с 1-го по 25-й том) [БАС 2004]. На основе этих словарей посредством сплошной выборки составлялись списки лексем состояний, изучались структуры словарных статей. Контексты изучались по Национальному корпусу русского языка¹.

¹ Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).

Фразеологически связанные значения в данной статье не рассматриваются.

Практическая значимость обусловлена острой потребностью в создании словарей эмотивного фонда и словарей полевого типа эмотивности конкретного языка (см. об этом [Шаховский 2009: 40]); исследование может также способствовать составлению словарей-тезаурусов, в которых часто выявляются расхождения представлений о состояниях и несостояниях [Калинина, Фалеева 2021: 41].

Теоретическая значимость заключается в представлении модели словарных дефиниций лексики эмоций; также исследование направлено на устранение неразличения в ряду «эмоции / чувства / внутренние состояния / душевные/духовные переживания / настроения».

Большой вклад в развитие темы внесли Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Анна А. Зализняк, Л.Н. Иорданская, Е.В. Падучева, Т.В. Булыгина, И.Б. Левонтина, М.Я. Гловинская, Л.Г. Бабенко, С.В. Ионова, Н.А. Лукьянова, Н.Ю. Шведова, С.Н. Цейтлин, А.А. Штеба, Л.А. Каллимулина, М.И. Лазариди. Можно выделить три научные платформы: московская школа (трансформационно-семасиологический подход; школу представляют Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Л.Л. Иомдин, Л.Н. Иорданская, Е.В. Падучева, Е.В. Рахилина и др.), уральская (когнитивно-ономазиологический подход, представители — Э.В. Кузнецова, Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин, Е.И. Плотникова и др.) и волгоградская школа (прагматический подход, представители — В.И. Шаховский, С.В. Ионова, В.В. Леонтьев и др.). Труды этих ученых стали опорой лексикографии эмоций, которая на современном этапе развития окончательно утвердила свой научный статус, стремясь к учету инноваций в семантике.

В зарубежной лингвистике психическая лексика чаще всего изучается в русле генеративной грамматики, при этом сторонники лексикализма (Н. Хомский, Д. Гримшоу, М. Раппапорт-Ховав) считают выражение тематической роли экспериментера разными падежами закодированным в структуре самого психического предиката, сторонники неоконструктивизма (Т. Харли, Р. Куэрво, Дж. Рамчанд) видят в этом основополагающую роль синтаксиса. Соответственно, некоторые ученые не считают психические глаголы уникальными. М. Арад, оперируя тем фактом, что многие психические глаголы теряют свои специфические свойства при агентивном прочтении, а также тем, что большая часть психических глаголов произошла от непсихических, полностью отказывает им в уникальности [Arad 1998: 2], между тем как А. Биали доказывает особую природу психических глаголов на примере сочетаемости с лексическими и суперлексическими приставками [Bialy 2020: 110]. Б. Розвадовска, А. Гарсия-Пардо не признают вендлеровское деление исчерпывающим для языков со сложной системой грамматики, психические предикаты различаются между собой в характере событийной структуры и не могут быть признаны гомогенным стативным классом [Rozwadowska 2020: 23; Garcia-Pardo 2020: 9]. В целом психические глаголы остаются проблемным полем, ставя под сомнение универсализм синтаксических прототипов.

Наблюдение над правым блоком словарных статей лексики психического состояния в толковом словаре синхронного типа показало, что в толковании существует **несколько видов семантических неточностей**: неразличение смыслов архисем *состояние, чувство, переживание, свойство, настроение*, введенных в словарную дефиницию; неединообразное выделение значения состояния на базе

свойств и чувств, реже — поведения; непоследовательное выделение состояния как лексико-семантического варианта физиологического состояния; толкование посредством синонимов — приблизительное толкование. Все это нарушает принцип единообразия лексикографического описания лексико-семантического типа — «описание... должно строиться по единому образцу до тех пор, пока материал не окажет этому сопротивления» [Апресян 2009: 151].

Представим каждую семантическую трудность.

1. Неразличение смыслов 'состояние', 'чувство', 'переживание', 'свойство', 'настроение', введенных в словарную дефиницию

Неразличение заключается в том, что в некоторых словарных дефинициях архисема 'состояние' может по неясным причинам выступать либо отдельно, либо в сочетании со свойством, либо отождествляться с чувством, переживанием, настроением, действием, поведением, либо вообще не фигурировать в толковании.

Приведем примеры лексических единиц, в толкованиях которых сема 'состояние' зафиксирована:

Гнев — **чувство** сильного негодования, возмущения; **состояние** крайнего недовольства кем-, чем-либо (обычно бурно проявляющееся) [БАС 2004, т. 4: 181].

Бездумность — свойство и **состояние** по значению прилаг. бездумный. *Таков же был шалопай недавнего прошлого... То же празднолюбие, та же бездумность, то же бесцельное прожигание жизни.* Салт. Мелочи жизни. *Прончатов дремал, отдаваясь покою и бездумности.* Липатов, Сказ. о дир. Прончатове [БАС 2004, т. 1: 414].

Подавленность — свойство по 3 знач. прилаг. подавленный (угнетенный, удрученный, мрачный — о человеке); мрачное, угнетенное **состояние**. **Чувство** подавленности. *Искусственная тишина, шепот, осторожные шаги прислуги выражали не внимание, а подавленность и страх.* Герцен. Былое и думы. *Никогда в своей жизни я не видел такой всеобщей, глубокой душевной подавленности. Офицеры сидели мрачные и задумчивые.* Верес. На япон. войне [БАС 2004, т. 17: 403].

Приниженность — **состояние** по знач. прилаг. приниженный. *Постоянная нужда наложила на Гейбовича отпечаток приниженности.* Брегова, Сибирское лихолетье Ф. Достоевского [БАС 2004, т. 20: 332].

Растраченность — свойство и **состояние** человека, бесцельно, бессмысленно растратившего свои силы, способности, энергию и т. п. *Поэт жалеет об утраченной свежести, исчерпанности чувств; растраченность и опустошение — состояние, которое неизбежно наступает вслед за бедствием и половодьем.* Е. Ямбург. А все-таки оно есть. Методология счастья [БАС 2004, т. 23: 253].

Приведем примеры лексических единиц, в толкованиях которых сема 'состояние' не выделена или смешана:

Ненависть — **чувство** сильной вражды, неприязни. *Потупили смущенный взгляд: То три соперника Руслана; В душе несчастные таят Любви и ненависти яд.* Пушкин. Руслан и Людм. [БАС 2004, т. 12: 87].

Отторгнутость — неприятие кого-л. кем-л. *Проходя мимо распаренных игрой ребятишек, вслушиваясь в их жаркий галдеж... — я невольно улыбнулся своим недавним мыслям: этим ребятишкам небось некогда и подумать о какой-то там отторгнутости, отрешенности.* Шуртак. Одно на всей земле [БАС 2004, т. 15: 62].

Самоочищаться 2. Действие по 2-му знач. глаг. самоочищаться. *Самоочищение страданием легче..., чем та участь, которую вы делаете многим из них сплошным оправданием.* Дост. Днев. писателя [БАС 1948–1965, т. 13: 122].

Состояние наряду со свойством отмечено в толковании следующих единиц: *беззащитность, безрадостность, безучастность, беспомощность, нервозность, ожесточенность, оживленность, раздраженность, смягченность, степенность, уединенность* и т. д. Однако есть огромная группа лексики, которая функционирует подобным образом, т. е. проявляясь как свойство и как состояние, но в их словарных дефинициях сема 'состояние' отсутствует, например: *скупчивость, скука, алчность, бездействие, бесстыдство, враждебность* и др. Приведем пример:

Мутность — свойство по знач. прилаг. мутный. *Какое-то болезненное замирание, какая-то мутность и неподвижность мыслей... предвещали одну близкую бурю душевную.* Лерм. Кн. Лиговская [БАС 2004, т. 10: 506].

В некоторых словах, осознающихся как номинации психического состояния, полностью отсутствуют указания на данный семантический смысл. Например:

Гордыня — непомерная гордость в 4 знач. **Гордость** в 4 знач. — преувеличенно высокое мнение о себе и пренебрежительное отношение к другим; высокомерие, надменность [БАС 2004, т. 4: 288].

В дефиниции отсутствует указание на психическое состояние человека, развившееся у лексемы по принципу метонимии. Приведем контексты из НКРЯ:

Человек раскается в том, что в гордыне своей уничтожил все, что было у него самого ценного. Дмит. Глуховский*. *Метро* 2033. 2005.

Вспомним слова мудрого фламандца Абрахама Ортелия...: «Все беды мы заслужили посредством наших грехов, поскольку мы погрязли в гордыне и честолюбии, каждый хочет быть знаменитым, но не хочет быть хорошим; каждый хочет учить других, но не смиряет себя, знает хочет много, а сделать мало и господствовать над другими». Каждый труд благословен. «Лесное хозяйство». 2003.

Облом — 1. Действ. по знач. глаг. обламывать... 2. Место слома, разлома... 3. В архитектуре — простейшая декор. деталь... 4. Отбитый или отломившийся кусок чего-л. 5. Грузный, неуклюжий или грубый... человек. 6. Неудача, невезение; крах, крушение всех планов, надежд [БАС 2004, т. 13: 157].

В лексеме шесть значений, но ни одно из них не отсылает к психическому состоянию, не выделено значение предикатива, которое активно употребляется в современном разговорном русском языке. Проиллюстрируем наличие указанных смыслов контекстами НКРЯ:

Да ей просто «в облом» с вами разговаривать! (М. Милованов. Кафе «Зоопарк». 2000). Педали крутить в облом! — А мы за тебя покрутим, — предложила Лика. (М. Милованов. Рынок тщеславия. 2000).

...он был, если честно, в обломе глубокоом, думал уже слинять скорей... (М. Кучерская. Тетя Мотя. 2012).

---

* Признан в Российской Федерации иностранным агентом.

Решение проблемы, на наш взгляд, кроется в обращении к практике составления фундаментальных [Апресян 2009] (акциональных — по терминологии Е. В. Падучевой и О. Н. Ляшевской [Ляшевская, Падучева 2011]) классификаций предикатов. Фундаментальные классификации релевантны для всех языковых ярусов, они наиболее системны и сводят к минимуму применение интуитивного метода. Фундаментальная классификация способна уточнить семантический статус таких компонентов толкования, как 'свойство', 'состояние', 'чувство', 'настроение'. Перечисленные компоненты входят в список «нулевых множителей» Ю. Н. Караулова [Караулов 1980: 32], однако Т. В. Булыгина настаивает на исключительной важности их смысла [Булыгина 1982: 16]. Фундаментальные классификации учитывают дифференциальные признаки лексем в синонимическом ряду, просодию, прагматику и сочетаемостные свойства. Классификации имеют несоответствия в выделении групп и терминологии (в монографии С. Г. Татевосова представлена таблица акциональных терминов [Татевосов 2015: 10]), в данной работе мы не занимаемся подробным рассмотрением классификаций, а лишь укажем на то, что в тематической группе психического состояния выделение учеными групп состояний, чувств и свойств является общим (ранней классификацией подобного типа была работа Л. С. Васильева [Васильев 1981]), на более низкой ступени иерархии могут выделяться настроения, отношения, переживания, стихийные эмоции. На неоднородность моделей управления эмотивных глаголов (различные функции что-пропозиции, частотность датива, смешение семантики стимула с семантикой пациенса, места, адресата, части) обратила внимание В. Ю. Апресян, предположив, что она обусловлена различной семантической структурой глаголов, обозначающих разные эмоции [Апресян 2015: 30]. Мы полностью согласны с Валентиной Юрьевой в том, что модели управления эмотивных глаголов обусловлены различными онтологическими свойствами эмотивных глаголов, что должно отражаться в лексикографических описаниях.

Полагаем, что возможно представить психическую лексику тремя функциональными полями и ввести в дефиницию архисемы — 'эмоции' (кратковременные, стихийные и неконтролируемые состояния, в которых в силу кратковременности объект-раздражитель находится еще в поле зрения человека, вбирая семантику причины), 'состояния' (плохо осознаваемые, плохо контролируемые и безобъектные длительные психические процессы), 'чувства' (с хорошо осознаваемой причинностью, длительные или довольно длительные, направленные на объект психические действия) [Заманова 2022].

Рассмотрим более подробно, как в литературе различаются обозначенные группы. Вежбицкая в статье в монографии «Emotions Across Language and Cultures» называет вопрос о разграничении терминов «эмоции» и «чувства» в лингвистике глобальным для методологии [Wierzbicka 1999: 6]. Т. Диксон указывает на разницу китайского понятия 感情, представляющего класс осмысленных и окультуренных чувств, и 情, характеризующего стихийную психическую реакцию [Dixon 2023: 50]. Дж. Уилс замечает, что при чувствах в определенном участке мозга обрабатываются сигналы, поступающие от раздражений лимбической системы — эмоций, следовательно, чувства можно именовать метаэмоциями [Wilce 2009: 29].

По замечанию Б. Розвадовской, в событийной структуре глаголов следует различать инхоативность (*Бомба взорвалась — внезапно, вдруг*) и инсептивность

(*Я тебе поверила — был процесс*) [Rozwadowska 2020: 36]. На наш взгляд, это также исключительно важно в разграничении эмоций в русском языковом сознании: так, глагол *взбелениться* инхоативный, следовательно, кодирует стихийную эмоцию, а *затосковать* — инсептивный, т. е. предполагает постепенное вхождение в состояние. Нахождение триггера эмоций в поле восприятия человека принципиально важно: X увидел, услышал что-либо и внезапно испытал эмоцию, для психических состояний триггер может быть уже неважным: *Ностальгия овладевает человеком через несколько лет разлуки с Родиной*.

На стихийность эмоций в русском языке указывает также Анна А. Зализняк. По ее мнению, слово «эмоции» применимо лишь к временным состояниям, возникающим как реакция на определенный стимул (событие), а чувство не вызвано никакой конкретной причиной. Кроме того, эмоции — это нечто физиологическое [Зализняк 2005: 287]. Следует отметить, что разница между психическими состояниями и чувствами еще более очевидна. Зализняк распределяет состояния по двум группам — временные (*радоваться, быть в отчаянии*) и устойчивые (*любить, ненавидеть*) [Зализняк 1992: 16]. Устойчивые состояния не сочетаются с обстоятельством места и с наречиями образа действия (**он бурно рад*), в устойчивых состояниях присутствует ментальный компонент [Зализняк 1992: 18]. О. И. Селиверстова отличает предикаты состояния и предикаты эмоциональной связи [Селиверстова 1982: 151]. Предикаты эмоциональной связи могут сочетаться с выражением *все сильнее и сильнее*, следовательно нестатичны [Зализняк 1992: 139]. Нестатичность, на наш взгляд, определяет и то, что чувства не проходят тест, предложенный Ю. Д. Апресяном для квалификации состояний, по параметру потенциального значения [Апресян 2009: 44]. Для состояний потенция невозможна: **ребенок уже тоскует = умеет тосковать*. Однако у чувств такое значение может иметь место: *подростки уже любят = уже умеют любить* (т. е. уже потенциально могут испытывать влечение к другому полу).

В статье О. Н. Ляшевской и Е. В. Падучевой предложен дистрибутивный критерий, по которому также выделяются чувства (сочетаются с *испытывать*, отличаются от состояний тем, что не сочетаются с глаголом *быть в...*), отношения (сочетаются с *внушать, питать*), состояния (сочетаются с *быть в, впасть и прийти в*, состояния не связаны с причиной) [Ляшевская, Падучева 2011: 5]. Состояния могут быть представлены длительно, недлительно и аффектно [Ляшевская, Падучева 2011: 7]. Для чувств принципиально важно непосредственное наличие объекта, на которые они направлены, при этом объект может и не быть причиной, вызвавшей чувство. В состояниях каузация играет основополагающую роль. Как верно показал Д. Песетский, «активные эмоции типа *гнев, удивление, раздражение* отличаются от чисто оценочных тем, что требуют каузатора»² (перевод автора настоящей статьи) [Pesetsky 1996: 113]. Поэтому Песетский считает, что активные эмоции в глубинной структуре ставят каузатора выше, а оценочные ставят выше экспериенцера [Pesetsky 1996: 59].

Настроения, отношения находятся на более низких ступенях иерархии.

---

² Д. Песетский подразумевает под активными эмоциями те, которые действуют на человека по аналогии с природными факторами, под оценочными — глаголы типа *любить, ненавидеть, презирать*, связанные только с негативной или положительной оценкой предмета эмоций.

Под психическим свойством понимается психическое качество субъекта или объекта. По замечанию Е. В. Падучевой и О. Н. Ляшевской, «свойства — это тривиальные дериваты прилагательных, которые тривиально диагностируются» [Ляшевская, Падучева 2011: 30]. Свойство не входит в группу «психическое состояние» непосредственно, но тесно связано с ним.

2. Неединообразное выделение значения состояния

Другой распространенной неточностью является выделение оттенков значения, дающихся за знаком слеш, и выделение отдельной семемы.

Многозначность зиждется на идее произвольности и изменчивости [Соссюр 1999: 70], а также асимметрии языкового знака («Обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [Карцевский 1965: 93]). Ю. Д. Апресян доказывает, что если употребления одного слова обнаруживают разные сочетаемостные, просодические и т. д. свойства, они принадлежат разным лексемам [Апресян 2009: 432], т. е. представляют собой разные значения полисеманта. Удачным критерием определения отдельной семемы является заменяемость синонимом, неподходящим для другого значения. Данный критерий был упомянут в работе Е. Куриловича [Курилович 1962: 238]. Так, например, у субстантивного деривата *самоочищение* возможно значение психического состояния, так как самоочищение выступает синонимом *катарсис*.

Также сам контекст актуализирует имплицитные варианты лексемы. Так, опираясь на контекстный анализ, Падучева в слове *вина* выделяет значение 'состояние, в котором находится / чувство, которое испытывает человек, совершивший плохой поступок' [Падучева 2004: 140]. В сочетаниях *чувствовать вину*, *облегчить вину* актуализируется смысл состояния, нивелируется смысл поступка [Падучева 2004: 140].

На этих основаниях слова группы психического состояния, в дефинициях которых фигурирует сочетание *свойство и состояние*, а также некоторые *чувства*, развивающие значения состояний, должны быть разбиты на соответствующие семемы. Разбиение представляется необходимым, так как свойства и чувства развивают значение состояния на регулярной основе.

Приведем краткий список лексики свойств, в которой в толковых словарях не было выделено смысла состояния: *алчность, аполитичность, аристократичность, бедность, безбоязненность, безверие, бездумность, бездуховность, благочестие, буйность, высокомерность, глупость, дерзость, жеманство, женственность, зажатость, запальчивость, лживость, лояльность, небрежность, отторженность, ревностность, ровность; самообожание, сиротливость, толерантность, трусость, упорство, хитрость, чуткость, эксцентричность, элегичность*.

Мы предполагаем, что лексика данного ряда может развивать значение состояния. Аристотель различал свойства и состояния по критериям временности и постоянства. Так, если психическая реакция, которая стала основой характеристики, временна, можно говорить о состоянии, а не о свойстве [Аристотель 1978: 75]. Трудность квалификации свойства как состояния заключается в том, что в субстантивированных прилагательных процессуальность нейтрализуется, хотя и при-

существует потенциально: хитрый человек тот, который хитрит, чуткий человек тот, который сочувствует, трусливый тот, кто боится. Соответственно, транспонированные в существительные психические прилагательные будут прочитываться чаще как свойство, по которому идентифицируется человек, но также и как состояние, в котором человек находится определенный отрезок времени. Функциональные качества категориальной семы состояния при таком переходе будут частично нейтрализованы, а семантические — определенная реакция в нервной и сердечной системе в ответ на раздражитель, характеризующаяся оценкой ситуации и ответной моторной или мимической реакцией, — выступят доминирующими.

Так, *жадность* в разных контекстах актуализирует две функциональные семы — свойства и состояния. *Рита вставала на защиту, винила меня в деспотизме и в жадности* (Юрий Трифонов. Предварительные итоги. 1970. НКРЯ). В контексте перефразирование даст следующий результат: она считала меня жадным, т. е. я жадный (свойство). Или другой пример из НКРЯ:

Сначала были муки жадности и колебания совести, но потом Рита стала гордиться и рассказывать всем знакомым, что отдала больной домработнице лучшую вещь, украшение дома: безумно жаль, но что делать (Юрий Трифонов. Предварительные итоги. 1970).

Настоящий контекст демонстрирует, что Рита находилась в определенном психическом состоянии от временной точки t_1 до t_2 , испытывала при этом изменение сердечного и мозгового ритма, что выражалось также мимически или моторно в тот временной период (состояние). В контексте *Жадность овладела сердцем рыбака* [vk.com] не говорится о том, что рыбак был жадным, а лишь о том, что в тот момент он был в определенном психическом состоянии.

Рассмотрим сдвиг семантического акцента на примере слова *безмятежность*:

Я знаю, что ему не мясо жалко, просто он завидует дедушкиной безмятежности (Фазиль Искандер. Дедушка. 1966. НКРЯ).

Безмятежность есть свойство **безмятежного** дедушки.

Но при этом на душе царили полное спокойствие и безмятежность (Л. А. Данилкин. Круговые объезды по кишкам нищего. 2016. НКРЯ).

Все осталось на земле. Опьяняюще накатывала безмятежность. Как же в небе неопикуемо здорово! (Александр Подкопаев, Константин Павлов. Из перворазников — в небоньеры // «За науку». 2013. НКРЯ).

В двух последних контекстах актуализировано положительное психическое состояние, характеризующееся отсутствием отрицательных мыслей.

Разные функциональные семы лексемы *бездомность* актуализируют следующие контексты:

У Ксюши был явно общественный характер, она любила присутствовать на заседаниях Бюро поэтов, на собраниях. Может быть, это было связано отчасти с ее бездомностью (Константин Ваншенкин. Писательский клуб. 1998. НКРЯ) (у Ксюши не

было дома и семьи, она была бездомной — свойство; факт ее бездомности определял то, что она любила находиться в общественных местах, чтобы не так остро ощущать свое одиночество).

Нравственная бездомность — типичное для них психологическое состояние (Анатолий Макаров. Ортодокс поневоле. 2001. НКРЯ).

Как же я в себе не люблю этот опыт тяжелой жизни, чувство бездомности, неустойчивости, зависимости от чужого мнения (А. С. Демидова. Бегущая строка памяти. 2000. НКРЯ).

В последних контекстах описано состояние, при котором сердцебиение замедленно, Х думает, что нет другого человека, которому он был бы нужен, нет места, которое он мог бы назвать своим домом.

Наблюдения над контекстами, привести которые в полном объеме было бы невозможно в рамках статьи, показывают, что для свойства чаще характерна позиция дополнения, для состояния — позиция подлежащего и обстоятельства места. Приведенные примеры отчасти показывают это.

Чувства являются немногочисленной группой, но и они регулярно развивают значения состояний. Согласно нашей классификации, это такие слова, как *любовь, ненависть, отвращение, зависть, благоговение*. Лексемы номинируют чувства, если тесно связаны с глаголом, но они могут утрачивать доминанту активности, например в роли подлежащего или обстоятельства места, развивая значение состояния:

Но иногда женщина в любви, и сердце ее не требует на совет (В. Т. Нарезный. Российский Жилбаз. 1814. НКРЯ).

Любовь, особенно большая любовь, — состояние, которое не может длиться (Л. Я. Гинзбург. Записные книжки. 1920–1943. НКРЯ).

Ю. Д. Апресян в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» хорошо описал значение состояния у чувства «любовь»: «Из всех лексем этого глагола только любить 1.1 имеет длительное значение, поскольку, в отличие от других лексем, она обозначает не чистое отношение, а еще и определенное состояние души» [НОССРЯ: 522].

Спорной и интересной является группа поведения, типа: *бабиться, бабничать, бродяжничать, донжуанство, донкихотство*, а также различные *-фобии, -филии* и *-мании (галломания, русофобия)*. Эта лексика нуждается в дополнительном исследовании.

Различная по отношению к производящим лексемам свойств и чувств семантическая и синтаксическая сочетаемость лексем состояния является темой отдельного исследования.

3. Непоследовательное выделение психического состояния отдельной семемой на базе физиологического

Учеными давно изучается изоморфизм психических и физических состояний. Объяснение этого явления кроется в синестезии ощущений, а также в необходимости конкретных аналогий для внутреннего, невидимого посторонним мира человека. Однако обращаем внимание на то, что в данном блоке речь не идет о явных

метафорических переносах с неживой природы на психическую, типа *окаменеть*, *остолбенеть*, *закоснеть*. Как правило, подобные переносы в словаре отражены хорошо. Речь идет о значении психического состояния, развитом на производящей семантической базе физиологического состояния человека на основе метонимии: «лень как отсутствие желания работать» и «лень как отсутствие желания мыслить, чувствовать» (поддается замене на синоним *уныние*). Как показал анализ, это не всегда отражается в словаре.

Приведем примеры дефиниций лексем, в которых переносное значение зафиксировано.

Летаргия — 1. Патологическое, похожее на сон состояние...; 2. Перен. об оцепенении, спячке, бездействии. *Наша литература... начинает погружаться в свою обычную летаргию...* Бел. Лит. и журн. замет. А. Грин пытался лечить человека от мещанской летаргии изнутри. Он старался доказать, что человек слаб, потому что не знает своих возможностей. С. Антон. От перв. лица [БАС 2004, т. 9: 152].

Омертвевать — 1. Становиться мертвым (о клетках, живых тканях). 2. перен. становиться неподвижным и мертвенно бледным от ужаса, потрясения и т. п. *Омертвев, Василика широко открытыми от ужаса черными неподвижными глазами смотрела на молодого боярина...* М. Алексеев. Солдаты [БАС 2004, т. 13: 690].

Лексемы, в которых переносное значение психического состояния отмечено как оттенок значения:

Охмелеть — стать пьяным, хмельным; опьянеть... // Прийти в состояние, подобное состоянию опьяневшего человека. *Злая старость хотя бы всю радость взяла, А душа моя также, пред самым закатом, Прилетела б со стоном сюда, как пчела, Охмелеть, упиваясь таким ароматом. Фет, Моего тот безумства желал. Пропахший сеном, охмелевший от тяжелой работы и волного воздуха, он (Углов) возвращался домой.* Маляков, Люди добрые. // *Перен.* Прийти в состояние восторга, самозабвения от радости, счастья, успеха и т. п. *Райский охмелел от письма, вытвердил его наизусть.* Гонч. Обрыв [БАС 2004, т. 15: 155].

Кайф — расслабленное блаженное состояние, приятное безделье, отдых. Ловить кайф — предаваться удовольствиям... // Состояние опьянения, помрачение сознания под действием алкоголя, наркотиков и т. п. [БАС 2004, т. 7: 548].

Разница в семемах и оттенках значения представляется очень неясной, понятно, что семемы могут быть разной степени зрелости, но в тематической группе эмоциональной лексики наблюдается регулярность подобных переносов. На наш взгляд, стоит выделять психическое состояние как семему.

Другие лексемы физиологического состояния, где не было выделено психического: *агония*, *анабиоз*, *гибкость*, *изнеженность* (о теле и о душе), *изнуренность*, *изнемогать*, *обомлеть*, *перевозбуждение*, *перегорать*, *перегрузка*, *привыкать*, *приободряться*, *припадок*, *разбитость*, *разопреть*, *умягчение*, *холодность* и т. д.

Предлагается выделять состояния отдельными семемами на базе свойств и чувств, а также отказаться от понятия оттенка значения для единообразия. Согласимся с Д. Н. Шмелевым в том, что выделение метонимических значений по-разному оценивается в словарях: «Для одних подобное употребление выделяется в отдельное значение, для других как “оттенок значения”, для третьих — оно вооб-

ще игнорируется. Между тем оснований для такого неодинакового подхода к этим словам, по-видимому, нет» [Шмелев 1973: 224]. Также верно замечание И. А. Стернина и М. С. Саломатиной: «Нет никаких оттенков, если семемы отражают разные денотаты» [Стернин, Саломатина 2011: 6].

Аргументом в пользу выделения у свойств и чувств отдельных значений состояния может послужить тот факт, что в словарях-тезаурусах в группе состояния налицо свойства и чувства. Так, в «Словаре синонимов» под ред. проф. Л. Г. Бабенко в семантическом классе «эмоциональные состояния» фиксируется ряд, представленный свойствами, — *безнравственность, аморальность, порочность* [ССРЯ: 50]; в «Толковом словаре русских глаголов» в глаголы эмоционального состояния включены такие чувства, как *бояться, жалеть, любить, стесняться* [ТСРГ: 518]. В словаре Н. Ю. Шведовой в «Состояние духа» попадают свойства *скептицизм, убежденность, уверенность* [РСС: 210].

Эти примеры свидетельствуют о семемном статусе состояния в составе лексем свойств и чувств.

4. Толкование лексем психического состояния посредством синонимов

По верному замечанию Вежбицкой, указать на что-то сходное и похожее, пройдя по логическому кругу, — это еще не значит истолковать [Вежбицкая 1996: 328]. Лексика психического состояния является наиболее подверженной отсылочной семантизации. Приведем примеры:

Бездушие — безжалостность, бессердечие, черствость. *Строгий голос судьи, ее пристальный взгляд и решительный поворот... головы казались ей выражением крайней казенщины и бездушия.* Медын. Честь [БАС 2004, т. 1: 416].

Кручина — грусть, печаль, тоска. *От кручины-думы В сердце кровь застыла; Что любил, как душу, — То и изменило.* Кольц. Горьк. доля [БАС 2004, т. 8: 703].

Кручиниться — грустить, горевать, печалиться. *А кручиниться мне нельзя: жена, дети, нужда из всех углов рот разевает.* Г. Марков, Сибирь [БАС 2004, т. 8: 703].

Пустодушие — равнодушие, безучастность. *Мы считаем коренным врагом нашим в настоящее время невежественную апатию, мертвенное пустодушие, лживую мишуру.* Черныш. Зам. о журналах [БАС 2004, т. 21: 530].

Несомненно первостепенной задачей данной сферы является разработка метаязыка толкований и составления единообразных схем.

Важными являются попытки толкования с помощью прототипических ситуаций и набора лексических примитивов Вежбицкой [Вежбицкая 1996: 326]; Ю. Д. Апресян предложил введение в толкование отсылок к физиологическим реакциям, сопутствующим психическим, типа жара, озноба, вкусовых реакций и т. д. [Апресян 1995: 463].

Тонкие, детальные толкования многих эмотивных концептов отмечены в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под общ. ред. Ю. Д. Апресяна. Так, в статье «Скука, тоска» Е. В. Урысон предоставлена информация о причине психической реакции, отношении субъекта к окружающему, контролируемости, степени интенсивности, месте локализации, сочетаемости, позволяющая сделать

вывод о том, что состояния, связанные с сердцем, и ментальные состояния различно функционируют в языке [НОССРЯ: 1032]. В словарной статье И. Б. Левонтиной «Жалость, сочувствие, сострадание, участие» представлено логически правильное определение «семантического инварианта ряда: чувство по отношению к другому человеку, какое бывает, когда, считая, что этому человеку плохо, субъект ощущает от этого душевную боль и желание облегчить его положение» [НОССРЯ: 327]. Здесь правильно установлена архисема, указана оценка субъектом ситуации и его желание, что в целом достаточно для идентификации состояния. Кроме того, установлен переход чувства в состояние на примере слова *жалость*:

Жалость — это не только чувство-отношение к другому человеку, но и определенное душевное состояние, которое к тому же очень тесно связано с телесными ощущениями. Часто жалость физически переживают, испытывая... спазматическое сжатие внутри [НОССРЯ: 328].

Очень важен компонент, отсылающий к физиологии, который среди прочих факторов показывает, что вопрос о дискретности, абстрактности и субъективности психической лексики может быть успешно решен.

Данные исследования должны обеспечить принцип кумулятивности науки и стать базой дальнейших поисков оптимальных толкований.

В заключение приведем возможный вариант устранения семантических неточностей из дефиниции классического типа.

Гармония 1, и, ж. — 1. Взаимное соответствие (явлений, предметов, качеств, частей целого и т. п.). *Гармония интересов, взглядов, вкусов.* 2. Стройность, согласованность звучания, благозвучие [БАС 2004, т. 4: 39]. 3. Психическое **состояние**, при котором сердце стучит ровно, отсутствуют неудовлетворимые желания и человек осознает себя неотъемлемой частью Вселенной как системы. Неполные синонимы: *блаженство, благодать, душевный покой. Душевная гармония.* Контекст из НКРЯ: 1. *Исцели — то есть сделай меня цельным, оздорови меня до конца, пусть во мне будет сплошная гармония тела, и души, и духа, пусть я войду в совершенную гармонию с Богом, к которой призван человек* (Митрополит Антоний (Блум). Страстная седмица. 1980. НКРЯ). 2. *Ведь многим и в провинции хорошо, была бы гармония в душе* (И. Сенин. Провинция, столица, заграница... 2014. НКРЯ).

Значения, касающиеся музыкальной грамоты ('выразительное средство музыки', 'учебный предмет') считаем целесообразным вынести как омонимичные.

* * *

Проблема семантизации лексем психического состояния остается нерешенной. В объяснительном словаре-атезаурусе обнаруживаются неточности следующего типа:

1. Непоследовательное введение в толкование архисем 'чувство', 'состояние', 'свойство'.

Предлагается закрепить за данной частью словарных толкований следующий смысл: **эмоции** — кратковременные, стихийные и неконтролируемые состояния, в которых в силу кратковременности объект-раздражитель остается в поле зрения

человека, вбирая семантику причины; **состояния** — плохо осознаваемые, плохо контролируемые и безобъектные длительные психические процессы; **чувства** — с хорошо осознаваемой причинностью длительные или довольно длительные, направленные на объект психические действия; **свойства** — качества или признаки субъекта или объекта.

2. Неразличение отдельного значения психического состояния в словах групп «свойство» и «чувство».

3. Неразличение отдельного значения психического состояния в словах группы «физиологическое состояние».

Наблюдение за многозначностью слов-свойств, слов-чувств, слов — физиологических состояний позволяет предположить, что появление на их основе значений психического состояния является регулярным. На основе состояний не возникают дополнительные значения свойств, чувств и физиологических состояний, т. е. не наблюдается обратного процесса. Поэтому касательно пунктов 2 и 3 предлагается разбиение указанных лексем на семемы; принцип семантической производности — метонимия: если определенное лицо испытывает определенные чувства или оно ведет себя так, что можно сказать, что оно обладает каким-либо свойством, то оно может находиться в определенном состоянии, которое в языковом сознании номинируется при помощи знака ближайшего чувства или свойства; психика неразделима с телом, поэтому психические состояния при сходстве могут номинироваться через физиологические.

Семы 'чувство', 'свойство', 'состояние' не являются «пустыми» в толкованиях, они несут важный семантический смысл и нуждаются в пересмотре с точки зрения лексикографической теории. Предложенные в нашей работе методы устранения семантических неточностей могут улучшить информативность толкований и способствовать прояснению эпидигматики лексем.

Словари

БАС 1948–1965 — *Словарь современного русского литературного языка*. В 17 т. И. Чернышев В. И. (гл. ред.). М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948–1965.

БАС 2004 — *Большой академический словарь русского языка*. В 30 т. Горбачевич К. С. (ред.). СПб.: Наука, 2004.

Караулов 1980 — Караулов Ю. Н. *Частотный словарь семантических множителей русского языка*. М.: Наука, 1980.

НОССРЯ — *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Апресян Ю. Д. (общ. рук.). М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003.

РСС — *Русский семантический словарь*. Шведова Н. Ю. (общ. ред.). М.: Азбуковник, 2003.

ССРЯ — *Словарь синонимов русского языка*. Бабенко Л. Г. (общ. ред.). М.: Астрель, 2011.

ТСРГ — *Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы*. Бабенко Л. Г. (ред.). М.: АСТ-Пресс, 1999.

Литература

Апресян 1971 — Апресян Ю. Д. О регулярной многозначности. *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка*. 1971, 30 (6): 509–523.

Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Системная лексикография. Метафора в семантическом представлении эмоций. В кн.: Апресян Ю. Д. *Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 453–465.

- Апресян 2009 — Апресян Ю. Д. *Исследования по семантике и лексикографии*. В 2 т. Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Апресян 2015 — Апресян В. Ю. Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса. *Русский язык в научном освещении*. 2015, 29 (1): 28–67.
- Аристотель 1978 — Аристотель. Категории. В кн.: Аристотель. *Сочинения*. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 51–91.
- Бабенко 2021a — Бабенко Л. Г. Интерпретация процессуально-событийного мира: две лексикографические версии (на м-ле словарей уральской семантической школы). В кн.: *Лексикография цифровой эпохи*. Юрина Е. А., Земичева С. С. (отв. ред.). Томск: Нац. исслед. Том. гос. ун-т. 2021. С. 26–29.
- Бабенко 2021б — Бабенко Л. Г. *Алфавит эмоций. Словарь-тезаурус эмотивной лексики*. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2021.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. *Языковая концептуализация мира*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Васильев 1981 — Васильев Л. С. *Семантика русского глагола*. М.: Высшая школа, 1981.
- Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. *Толкование эмоциональных концептов*. Ляшевская О. Н. (пер.). В кн.: Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. Кронгауз М. А. (отв. ред.), Падучева Е. В. (вступ. ст.). М.: Русские словари, 1996. С. 32–376.
- Виноградов 1977 — Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии. В кн.: Виноградов В. В. *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. Костомаров В. Г. (отв. ред. и предисл.). М.: Наука, 1977. С. 243–265.
- Воркачев, Воркачева 2020 — Воркачев С. Г., Воркачева Е. А. Полисемия, контекст и трансляция смыслов. *Современные исследования социальных проблем*. 2020, 12 (5) : 112–125.
- Гайворонская 2018 — Гайворонская М. Э. Семантическая типология предикатов состояния. *Новые горизонты русистики*. 2018, (6): 10–16.
- Зализняк 1992 — Зализняк Анна А. *Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния*. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1992.
- Зализняк 2005 — Зализняк Анна А. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции. В кн.: Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 280–289.
- Заманова 2022 — Заманова И. В. Критерии выделения лексико-тематической группы «психическое состояние» на материале толковых словарей русского языка. *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2022, 41 (2): 196–201.
- Калинина, Фалеева 2021 — Калинина Л. В., Фалеева А. С. Переходное состояние как объект описания в толково-идеографическом словаре. *Вопросы лексикографии*. 2021, (22): 27–47.
- Карцевский 1965 — Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме языкового знака. В сб.: *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях*. Звегинцев В. А. (сост.). 3-е изд. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 85–91.
- Кибрик и др. 2018 — Кибрик А. А., Федорова О. В., Подлеская В. И. Мультиканальные корпуса: вчера, сегодня, завтра. В сб.: *Гуманитарные чтения РГГУ — 2017: пути преобразования общества и их осмысление в гуманитарных науках: войны — революции — реформы: сб. м-лов*. Безбородов А. Б. (отв. ред.). М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2018. С. 499–511.
- Кузнецов 1986 — Кузнецов А. М. *От компонентного анализа к компонентному синтезу*. М.: Наука, 1986.
- Курилович 1962 — Курилович Е. Заметки о значении слова. В кн.: Курилович Е. *Очерки по лингвистике*. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 237–251.
- Лазариди 2011 — Лазариди М. И. *Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект*. Бишкек: Кыргыз.-рос. славян. ун-т, 2011.
- Ляшевская, Падучева 2011 — Ляшевская О. Н., Падучева Е. В. Онтологические категории имен эмоций. *Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы*. 2011, (5): 23–31.
- Морковкин 1977 — Морковкин В. В. *Опыт идеографического описания лексики*. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1977.

- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Селиверстова 1982 — Селиверстова О. Н. *Семантические типы предикатов*. М.: Наука, 1982.
- Соколовская 1979 — Соколовская Ж. П. *Система в лексической семантике*. Киев: Высшая школа, 1979.
- Серебренников 1972 — Серебренников Б. А. *Общее языкознание. Внутренняя структура языка*. М.: Наука, 1972.
- Сосюр 1999 — Сосюр Ф. де. *Курс общей лингвистики*. Сухотин А. (пер. с фр.), Беспалов В. Е. (ред.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
- Стернин, Саломатина 2011 — Стернин И. А., Саломатина М. С. *Семантический анализ слова в контексте*. Воронеж: Истоки, 2011.
- Татевосов 2015 — Татевосов С. Г. *Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события*. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Шафилов 1999 — Шафилов С. Г. *Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц*. Уфа: Башк. ун-т, 1999.
- Шаховский 2009 — Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике. *Вопросы психолингвистики*. 2009, (9): 29–43.
- Шмелев 1973 — Шмелев Д. Н. *Проблемы семантического анализа лексики*. М.: Наука, 1973.
- Щерба 1957 — Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. В кн.: *Избранные работы по языкознанию и фонетике*. Матусевич М. И. (ред.). М.: Учпедгиз, 1957. С. 54–92.
- Arad 1998 — Arad M. *Psych-Notes. UCL Working Papers in Linguistics*. 1998, (10): 1–22.
- Bialy 2020 — Bialy A. *Encoding inception in the domain of psych verbs in Polish. Beyond Emotions in Language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2020.
- Dixon 2023 — Dixon T. *The History of Emotions*. Oxford: Oxford University Press, 2023.
- Garcia-Pardo 2020 — Garcia-Pardo A. *Stative Inquiries*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2020.
- Gladkova 2023 — Gladkova A. Linguistic Theories of Emotion. In: *Handbooks of Linguistics and Communication Science*. Schiewer G. L., Altarriba J., Bee Chin Ng (eds). Vol. 46.3. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2023. P. 84–103.
- Pesetsky 1996 — Pesetsky D. *Zero Syntax: Experiencers and cascades. Current studies in linguistics*. Cambridge (Mass.), London: MIT Press, 1996.
- Rozwadowska 2020 — Rozwadowska B. *Polish psych verbs as non-achievements. Beyond Emotions in Language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2020.
- Shuman et al. 2013 — Shuman K. R., Fontaine V., J. R. J., Soriano C. *The GRID meets the Wheel: Assessing emotional feeling via self-report*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 281–298.
- Kovecses 2004 — Kovecses Zoltan. *Language and Emotion Concepts. Metaphor and Emotion*. Paris: Cambridge University Press, 2004. P. 1–20.
- Wierzbicka 1999 — Wierzbicka A. *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Paris: Cambridge University Press, 1999.
- Wilce 2009 — Wilce J. *Language and Emotion*. New York: Cambridge University Press, 2009.

Статья поступила в редакцию 18 июля 2023 г.
Статья рекомендована к печати 12 февраля 2024 г.

The problem of semantization of mental state vocabulary in the explanatory dictionaries of the Russian language

For citation: Zamanova I. V. The problem of semantization of mental state vocabulary in the explanatory dictionaries of the Russian language. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (2): 446–466. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.211> (In Russian)

The article deals with the problems of psychic state definition in common explanatory dictionaries. The term “semantization” stands for the process and result of verbal unit semantic content revealing with regard to the particular language system, so that it can be correctly used in speech or translated into another language. “The Great Academic Dictionary of the Russian Language” in 30 volumes (2004) and “The Dictionary of the Modern Russian Literary Language” in 17 volumes (1948–1965) were used as the basis for the research. *Psychic state* is understood in the article as a static uncontrolled object-free psychic process with hardly determining causality. The aim of the study was to identify the types of the definition problems; ultimately, we tried to suggest some possible ways to solve them. The following types were identified: there is no distinguishing of the states, feelings, properties meanings in the vocabulary definitions; the separation of the psychical state on the basis of properties and feelings lexical meaning is inconsistent and non-unified; formed on the basis of the psychic state the psychic figurative sense has been allocated not holistically; approximate interpretation by synonyms still be an unsolved problem. As a result of the study a hypothesis about the regular (but not productive) semantic derivation of psychical properties and feelings into the sphere of states, as well as physiological states into the sphere of psychical ones was also put forward. The article proposes to distinguish between *states, properties and feelings*. The semantic classification of verbs is suggested to use to prove the correctness of the distinction. In addition it seems necessary to insert the states into the psychical properties (the features of the subjects or objects) lexical meanings system, as well as into the feelings (psychical processes, that is directed at the object and have a clear causality). Also for definite lexemes it is seems to be necessary to insert a psychical states figurative meaning into the definition of the physiological ones.

Keywords: emotive vocabulary, psychical states in language, lexicography of emotions, ambiguity.

References

- Апресян 1971 — Apresian Iu. D. On regular ambiguity. *Izvestiia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*. 1971, 30 (6): 509–523. (In Russian)
- Апресян 2009 — Apresian Iu. D. *Research on semantics and lexicography. The paradigmatic system*. Moscow: Iazyki slavianskih kul'tur Publ., 2009. (In Russian)
- Апресян 1995 — Apresian Iu. D. Lexicography as a System. Metaphor in the semantic representation of emotions. In: Apresian Iu. D. *Izbrannye trudy. Integral'noe opisanie iazyka i sistemaia leksikografiia*. Moscow: Shkola “Iazyki russkoi kul'tury” Publ., 1995. P. 453–465. (In Russian)
- Апресян 2015 — Apresian V. Iu. The valence of the stimulus in Russian verbs with the meaning of emotions: The connection of semantics and syntax. *Russkii iazyk v nauchnom osvechshenii*. 2015, 29 (1): 28–67. (In Russian)
- Аристотель 1978 — Aristotle. Categories. In: Aristotle. *Essays*. In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl Publ., 1978. P. 51–91.

- Бабенко 2021a — Babenko L. G. Interpretation of the procedural-event world: two lexicographic versions (based on the dictionaries of the Ural Semantic School). In: *Leksikografiia tsifrovoy epokhi*. Iurina E. A., Zemicheva S. S. (eds). Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2021. P. 26–29. (In Russian)
- Бабенко 2021b — Babenko L. G. *Alphabet of emotions. The thesaurus dictionary of emotive vocabulary*. Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyi uchenyi Publ., 2021. (In Russian)
- Булыгина, Шмелев 1997 — Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Linguistic conceptualization of the world*. Moscow: Shkola “Iazyki russkoi kul'tury” Publ., 1997. (In Russian)
- Васильев 1981 — Vasilev L. S. *Semantics of the Russian verb*. Moscow: Vysshaia shkola Publ., 1981. (In Russian)
- Вежбицкая 1996 — Wierzbicka A. The interpretation of emotional concepts. In: Wierzbicka A. *Iazyk. Kul'tura. Poznanie*. Krongauz M. A. (ed.), Paducheva E. V. (introd. article). Moscow: Russkie slovari Publ., 1996. P. 32–376. (In Russian)
- Виноградов 1977 — Vinogradov V. V. On some issues of the Russian lexicography theory. In: Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiia*. Kostomarov V. G. (ed. and preface). Moscow: Nauka Publ., 1977. P. 243–265. (In Russian)
- Воркачев, Воркачева 2020 — Vorkachev S. G., Vorkacheva E. A. Ambiguity, context and representation of meanings. *Sovremennye issledovaniia social'nykh problem*. 2020, 12 (5): 112–125. (In Russian)
- Гайворонская 2018 — Gaivoronskaia M. Ie. Semantic typology of state predicates. *Novye gorizonty rusistiki*. 2018, (6): 10–16. (In Russian)
- Зализняк 1992 — Zalizniak Anna A. *Studies on the semantics of the internal state predicates*. München: Verlag Otto Sagner, 1992. (In Russian)
- Зализняк 2005 — Zalizniak Anna A. Notes on words: communication, attitude, request, feelings, emotions. In: Zalizniak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Key ideas of the Russian linguistic picture of the world*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. P. 280–289. (In Russian)
- Заманова 2022 — Zamanova I. V. Criteria for the allocation of the lexical group “psychological state” based on the material of explanatory dictionaries of the Russian language. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022, 41 (2): 196–201. (In Russian)
- Калинина, Фалеева 2021 — Kalinina L. V., Faleeva A. S. The transitional state as an object of description in the explanatory and ideographic dictionaries. *Voprosy leksikografii*. 2021, (22): 27–47. (In Russian)
- Карцевский 1965 — Kartsevskii S. O. On the asymmetric dualism of the language sign. In: *Istoriia iazykoznaniiia 19–20 vekov v ocherkah i izvlecheniiaakh*. Zvegintsev V. A. (comp.). Moscow: Prosveshhenie Publ., 1965. P. 85–93. (In Russian)
- Кибрик и др. 2018 — Kibrik A. A., Fedorova O. V., Podlesskaia V. I. Multi-channel buildings: yesterday, today, tomorrow. In: *Gumanitarnye chteniia RGGU — 2017: puti preobrazovaniia obshchestva i ikh osmyslenie v humanitarnykh naukakh: voiny — revoliutsii — reformy: sbornik materialov*. Bezborodov A. B. (otv. red.). Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi humanitarnyi universitet Publ., 2018. P. 499–511. (In Russian)
- Кузнецов 1986 — Kuznetsov A. M. *From the component analysis to the component synthesis*. Moscow: Nauka Publ., 1986. (In Russian)
- Курилович 1962 — Kuryłowicz J. Notes on the word meaning. In: Kuryłowicz J. *Ocherki po lingvistike*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1962. P. 237–251. (In Russian)
- Лазариди 2011 — Lazaridi M. I. *Mental states in the field description: nominative and functional aspect*. Bishkek: Kyrgyzsko-Rossiiskii Slavianskii universitet Publ., 2011. (In Russian)
- Ляшевская, Падучева 2011 — Lyashevskaja O. N., Paducheva E. V. Ontological categories of emotion names. *Nauchno-tekhnicheskaja informatsiia. Seriia 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. 2011, (5): 23–31. (In Russian)
- Морковкин 1977 — Morkovkin V. V. *The experience of the vocabulary ideographic description*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1977. (In Russian)
- Падучева 2004 — Paducheva E. V. *Dynamic models in the semantics of vocabulary*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. (In Russian)
- Селиверстова 1982 — Seliverstova O. N. *Semantic types of predicates*. Moscow: Nauka Publ., 1982. (In Russian)

- Соколовская 1979 — Sokolovskaia J. P. *System in lexical semantics*. Kiev: Vysshiaia Shkola Publ., 1979. (In Russian)
- Серебренников 1972 — Serebrennikov B. A. *General linguistics. The internal structure of language*. Moscow: Nauka Publ., 1972. (In Russian)
- Соссюр 1999 — Saussure F. de. *Course of General Linguistics*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 1999. (In Russian)
- Стернин, Саломатина 2011 — Sternin I. A., Salomatina M. S. *Semantic analysis of the word in the context*. Voronezh: Istoki Publ., 2011. (In Russian)
- Татевосов 2015 — Tatevosov S. G. *Actionality in vocabulary and grammar. The verb and the structure of the event*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2015. (In Russian)
- Шафиков 1999 — Shafikov S. G. *Theory of the semantic field and the component semantics of its units*. Ufa: Bashkirskii universitet Publ., 1999. (In Russian)
- Шаховский 2009 — Shahovskii V. I. Emotions as an object of research in linguistics. *Voprosy psiholingvistik*. 2009, (9): 29–43. (In Russian)
- Шмелев 1973 — Shmelev D. N. *The problems of vocabulary semantic analysis*. Moscow: Nauka Publ., 1973. (In Russian)
- Щерба 1957 — Shherba L. V. The experience of the general theory of lexicography. In: *Izbrannye raboty po iazykoznaniju i fonetike*. Matushevich M. I. (ed.). Moscow: Uchpedgiz Publ., 1957. P. 54–92. (In Russian)
- Arad 1998 — Arad M. Psych-Notes. *UCL Working Papers in Linguistics*. 1998, (10): 84–103.
- Bialy 2020 — Bialy A. *Encoding inception in the domain of psych verbs in Polish. Beyond Emotions in Language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2020.
- Dixon 2023 — Dixon T. *The History of Emotions*. Oxford: Oxford University Press, 2023.
- Garcia-Pardo 2020 — Garcia-Pardo A. *Stative Inquiries*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2020.
- Gladkova 2023 — Gladkova A. Linguistic Theories of Emotion. *Handbooks of Linguistics and Communication Science*. Schiewer G. L., Altarriba J., Bee Chin Ng (eds). Vol. 46.3. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2023. P. 84–103.
- Pesetsky 1996 — Pesetsky D. *Zero Syntax: experiencers and cascades. Current studies in linguistics*. Cambridge; London: MIT Press, 1996.
- Rozwadowska 2020 — Rozwadowska B. *Polish psych verbs as non-achievements. Beyond Emotions in Language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2020.
- Shuman et al. 2013 — Shuman K. R., Fontaine V., J. R. J., Soriano C. *The GRID meets the Wheel: Assessing emotional feeling via self-report*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 281–298.
- Kovecses 2004 — Kovecses Zoltan. *Language and Emotion Concepts. Metaphor and Emotion*. Paris: Cambridge University Press, 2004. P. 1–20.
- Wierzbicka 1999 — Wierzbicka A. *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Paris: Cambridge University Press, 1999.
- Wilce 2009 — Wilce J. *Language and Emotion*. New York: Cambridge University Press, 2009.

Received: July 18, 2023

Accepted: February 12, 2024